

© 2015 г.

О.Ф. КУДРЯВЦЕВ

МОСКОВИТСКИЙ ПРОЕКТ АЛЬБЕРТА КАМПЕНСКОГО

В самом конце первой четверти XVI в. в европейской общественной мысли и космографии необыкновенно возрос интерес к Московской Руси. Почти одновременно – в 1525 г. – были завершены три специально посвященные ей сочинения голландца Альберта Кампенского, немца Иоганна Фабри и итальянца Павла Йовия. Понять истинные причины, заставившие Запад обратить тогда пристальный взгляд на восточного соседа и проявить особую заинтересованность в надежных и обстоятельных данных о нем в полной мере позволяет трактат Альберта Кампенского “О Московии”. Речь идет о тяжелых испытаниях, казалось, поставивших в тот момент под вопрос само существование католической Европы, – новом османском наступлении в западном направлении и широко развернувшейся религиозной Реформации.

С приходом к власти Сулеймана I Великолепного в 1520 г. самые пессимистические ожидания в отношении Османской империи оправдались, новая турецкая агрессия в Европе стала реальностью. В 1522 г. пал о. Родос, принадлежавший ордену Иоаннитов; годом раньше турки захватили крупнейшую крепость на юге Венгерского королевства Белград – после этого путь в Центральную Европу для них был открыт. Венгрия, ближайшая жертва османского наступления, была ослаблена борьбой магнатских партий; силы Габсбургов, владевших короной Священной Римской Империи, Испанией, Нидерландами, Неаполитанским королевством и претендовавших на Венгерское, были связаны постоянно возобновлявшимися военными кампаниями против Франции, ареной которых являлась Италия. В 1525 г. Карл V Габсбург одержал крупную победу над французами при Павии, пленив своего противника короля Франциска I. Однако в следующем, 1526 г., ни император Карл V, ни его брат эрцгерцог Фердинанд не сумели помочь королю венгерскому Людовику II, который был разгромлен турками и погиб в битве при Мохаче. В 1529 г. Сулейман I, осадив Вену, угрожал уже наследственным землям Габсбургов. Падение Вены означало бы появление в центральной Европе государственности, чуждой и враждебной всем устоям европейской христианской цивилизации, сделало бы легкой добычей турок немецкие земли и государства Италии.

Многие государственные и церковные мужи в Европе уже после первых военных успехов турок, захвата ими Белграда и Родоса, почувствовали истинные масштабы надвигавшейся на Европу опасности. Отражая их настроения, Альберт Кампенский писал о “нависшей над христианским миром угрозе оказаться в пасти турок”¹ и предлагал поэтому в срочном порядке искать союза с Василием III. В момент смертельной опасности взоры европейцев невольно обращались к Руси как к последней надежде, и в ином свете оценивали они свои прежние отношения с ней. Со стыдом и горечью

Кудрявцев Олег Фёдорович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета).

¹ *Campensis A. De Moscovia. Venetiis, 1543.* – Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. М., 1997 (с. 75–134), с. 87 (с. 109 – здесь и далее в скобках дана страница русского перевода).

писал Альберт Кампенский о том, что католики, третировавшие государя Московского в качестве “схизматика и почти язычника”, “много раз выступали против него с оружием, тем не менее в деле спасения нашего и христианской Церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи”².

АЛЬБЕРТ КАМПЕНСКИЙ: ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Альберт Пигг, или Пиггий (Pigg, Pighius), прозванный по месту его рождения Кампенский³ (из североголландского городка Кампен в провинции Оверэйссел), родился предположительно в 1490 г.⁴ Семья его – отец и братья – скорее всего занимались торговой деятельностью, которая занесла их далеко на восток, в пределы Московского государства.

В 1507 г. Альберт Кампенский поступил на факультет искусств Лувенского университета, в 1509 г. он получил степень магистра искусств. В Лувене, а затем в Кёльне он изучал философию, богословие, астрономию и математику. В 1516 г. папское бреше, требующее его участия в работе над реформой календаря, застало его опять в Лувене. Несколькими годами позже он жил в Париже, читая лекции по астрономии и вместе с тем занимаясь медициной и естественнонаучными дисциплинами.

В 1522 г., когда Адриан Утрехтский, его соотечественник и университетский наставник, был избран при поддержке своего могущественнейшего воспитанника Карла V на папский престол, Альберт Кампенский переехал в Рим, получив должность папского камергера. Эту должность он сохранил при следующем папе Клименте VII (1523–1534) из флорентийского дома Медичи. Благодаря своей деятельности, в первую очередь литературной, он снискал себе немалое уважение при апостольском дворе, выступая иной раз доверенным лицом папы, который поручал ему выполнение важных и почетных миссий. Так, в феврале 1531 г. он доставил брату императора Фердинанду, эрцгерцогу Австрийскому, незадолго перед тем избранному Римским королем, освященный меч и шляпу, означавшие, что Фердинанд поставлен во главе крестового похода, который должен был объединить силы христианских государей в борьбе против турок.

Другим направлением церковной и литературной деятельности Альберта Кампенского стало противодействие приобретаемому все большим размахом реформационному движению. Он имел репутацию стойкого защитника Святого Престола и непреклонного врага всяких религиозных новшеств. Однако его нежелание идти на какие-либо уступки в вопросах вероучения и церковной организации, искать примирительные формулировки спорных проблем делали его неудобным не только для протестантов, но как показали переговоры по богословским вопросам в Вормсе в 1541 г., на которые он был приглашен, для прагматически настроенных представителей папы и императора, пытавшихся найти почву для компромисса с представителями реформационного лагеря.

---

² Ibid., с. 87 (с. 110).

³ В отечественной историографии широко принята итальянизированная форма его имени – Альберто Кампензе (Alberto Campense), потому что так он назван в издании В. Семенова (1836), в котором для переложения на русский язык была использована итальянская версия его произведения в публикации Дж.Б. Рамузио (1559). Однако уже в рецензии на издание Семенова указывалось, что по-русски корректнее его имя было бы перевести как Альберт Кампенский (*Krug*. Bericht des akademikers Krug über die Библиотека иностранных писателей о России. – Шестое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1837 (с. 163–232), с. 177).

⁴ Наиболее полные биографические данные об Альберте Кампенском собраны в следующих работах: *Friedensburg W.* Beiträge zum Briefwechsel der katholischen Gelehrten im Reformationszeitalter. Albert Pighius. – Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XXIII, 1902, S. 110–155; *Jedin H.* Studien über die Schriftstellertätigkeit Albert Piggés. Münster i. W., 1931, S. 48–59; *Amann É.* Pighi Albert. – Dictionnaire de theologie catholique. Paris, 1935, t. XII, pt. 2, col. 2094–2104; *New Catholic Encyclopedia*, 1967, v. XI, p. 358, 359.

По-видимому, вскоре после смерти Климента VII Альберт Кампенский вернулся в Нидерланды. Папа Павел III (1534–1549), как и его предшественники, благоволивший к Альберту Кампенскому, пожаловал ему место благочинного священника в Утрехте. Последние годы Альберт Кампенский напряженно работал, издавал свои написанные труды, готовил новые. Скончался он в декабре 1542 г.

С того момента, как Альберт Кампенский переехал в Рим, он оказался в центре религиозных, политических, культурных и научных интересов своего времени. Среди его друзей и близких знакомых многоопытный дипломат и политический советник Святого Престола Николай фон Шонберг, гуманистически образованные прелаты и писатели Якопо Садолето и Павел Йовий⁵, известные богословы и высокопоставленные представители римской курии Реджинальд Пол, Гаспаро Контарини, Джованни Мороне, Марчелло Червини. Круг научных и литературных занятий Альберта Кампенского был достаточно велик, однако, если поначалу он отдавал предпочтение натурфилософским дисциплинам, то последние два десятилетия своей жизни он почти полностью употребил на богословско-полемические труды.

ТРАКТАТ “О МОСКОВИИ”: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ИЗДАНИЯ

Точное время создания трактата о Московии неизвестно. Считается, что он написан Альбертом Кампенским в понтификат Климента VII, которому и был посвящен. Большинство историков датирует его 1523 или 1524 г. – периодом между кончиной Адриана VI (сентябрь 1523 г.) и отправлением генуэзца Паоло Чентурионе в Москву (май 1524 г.), о котором автор никак не упоминает⁶. В трактате есть, казалось бы, и вполне определенные подтверждения этой датировки. Так, в нем говорится о “нидрозиенском архиепископе Энее, (...) умершем прошлой зимой” – речь идет о смерти 28 ноября 1522 г. Эриха Вальхендорфа, архиепископа тронхеймского, находившегося при Римском дворе; следовательно, цитированные слова написаны не позже зимы 1523/1524 гг. В этой же главе говорится о перемирии между королем Польши и великим князем Московским, которое было заключено в “нынешнем году” на пять лет; поскольку упомянутое перемирие установлено было в сентябре 1522 г. и ратифицировано в марте 1523 г., то под “нынешним годом” разумеется, скорее всего, 1523 г. Кроме того, в трактате указывается, что великий князь Литовский Ягелло крестился почти 137 лет тому назад; если имеется в виду именно 1386 г., когда Ягелло действительно принял крещение, то получается, что сочинение писалось в 1523 г.

Есть, однако, основания усомниться в бесспорности датировки сочинения 1523 или 1524 гг. Прежде всего следует заметить, что если Альберт Кампенский не упоминает о последней поездке Паоло Чентурионе в Москву, то это вовсе не свидетельствует о том, что она еще не была предпринята, ибо он мог знать о ней и по каким-то при-

---

⁵ Павлу Йовию принадлежит самое раннее (впервые издано в 1546 г.), хотя и очень краткое жизнеописание Альберта Кампенского: *Pauli Iovii Elogia doctorum virorum* (см. изд.: *Iovius P. Opera*. Roma, 1972, t. VIII, p. 126).

⁶ Независимо друг от друга так аргументировали датировку сочинения Альберта Кампенского его переводчик на русский язык В. Семенов (Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. СПб., 1836, т. I. Альберт Кампенский, с. 5) и Хуберт Йедин (*Jedin H.* Op. cit., S. 12). К этому же времени относят написание сочинения Альберта Кампенского Ф. Круг (*Krug. Bericht des akademikers Krug über die* Библиотека иностранных писателей о России, с. 193), Фр. Аделунг (Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864, ч. I, с. 119), Е.Е. Замысловский (Барон Сигизмунд Герберштейн и его сочинение о России. – Древняя и новая Россия, 1875, т. III (с. 41–55, 134–151, 316–334), с. 322), П. Пирлинг (Россия и папский престол. Книга первая. Русские и Флорентийский собор. М., 1912, с. 308, 309), И.С. Шаркова (Заметки о русско-итальянских отношениях XV – первой трети XVI в. – Средние века. М., 1971, вып. 34 (с. 201–212), с. 207).

чинам умолчать; ведь он наверняка знал о более ранней поездке генуэзского купца в Москву (1519), из которой тот вернулся с посланием великого князя Московского к папе, однако о ней он ничего не сообщал. Кроме того, в сочинении Альберта Кампенского о Московии есть ссылка на посольство Василия III к императору Карлу V, которое прибыло в Испанию “в недавно истекшем апреле месяце после восьми месяцев пути”; в данном случае речь скорее всего идет о посольстве князя Ивана Ивановича Засекина Ярославского, достигшем Мадрида 6 апреля 1525 г., а в конце месяца – Толедо; сведения о его прибытии в Испанию Альберт Кампенский должен был получить не раньше мая 1525 г. и потому он не мог завершить свой труд прежде этого срока⁷. Немногими строчками выше только что цитированного места расплывчато говорится о другом посольстве московского государя в Европу, скорее всего, – в Рим. Возможно, Альберт Кампенский имеет в виду возвращение Паоло Чентурионе из Москвы с посланием к папе, но не исключен здесь и намек на посольство Дмитрия Герасимова, прибывшее в Рим в самом конце лета или в начале осени 1525 г. Таким образом, сочинение Альберта Кампенского дает веские основания датировать его не только 1523 или 1524 гг., но также и 1525 г. В этой связи уместно высказать предположение о том, что работа над ним по каким-то причинам могла затянуться и протекать в два этапа: на первом, в конце 1523 – начале 1524 г., была создана первоначальная версия текста, на втором же, скорее всего в промежутке времени от мая до сентября 1525 г., ему была дана окончательная редакция⁸.

Сочинение Альберта Кампенского о Московии можно отнести к двум разным жанрам. С одной стороны, общее вступление ко всей работе и ее заключительные части представляют собой построенную по правилам риторики речь (*oratio*) – очень популярный в эпоху Возрождения жанр, используемый для публичных выступлений и заявлений (не только устных, но и письменных), в которых излагалась точка зрения на ту или иную проблему философии, морали, политики, общественной и церковной жизни; одной из самых расхожих тем подобного рода речей среди гуманистов второй половины XV – первой половины XVI в. была тема войны, или крестового похода, объединенных сил христианских государств против турок; призывы к ней занимают значительное место и в сочинении Альберта Кампенского. С другой стороны, это сочинение в центральной своей части является историко-географическим трактатом, составленным, как замечает сам автор во вступлении, “по закону космографии”; а ведь первая половина XVI в. отмечена необыкновенным интересом к науке землеведения, в это время создаются не только знаменитые космографии Мартина Вальдземюллера и Себастьяна Мюнстера, публикуются и комментируются труды древних географов, но и пишутся небольшие письма-трактаты, послания ко вполне определенным лицам о новооткрытых, неведомых странах; к ряду подобного рода сочинений следует отнести и труд Альберта Кампенского.

Трактат Альберта Кампенского был преподнесен папе Клименту VII. Составлен он на латинском языке, его рукопись находится в ватиканском архиве⁹, однако в результате неудачной реставрации она сильно испорчена. Впервые на языке оригинала напечатан он был под названием “О Московии к Клименту VII, великому понтифику”

⁷ Основываясь на упоминании этого посольства Альбертом Кампенским, А.А. Зимин относит его сочинение о Московии к 1525 г. (Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972, с. 56). Эту датировку принимает А.Л. Хорошкевич (Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980, с. 7, прим. 7). Стоит обратить внимание на то, что еще Л.П. Руцинский (Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871, с. 9, 10) считал, что это сочинение было написано в 1525 г.; правда, он никак не аргументировал свое утверждение.

⁸ В последнем переиздании Рамузиева сборника, где помещен трактат Альберта Кампенского, время его написания отнесено к периоду между 1523 и 1525 гг. См. *Navigazioni e viaggi. A cura di M. Milanese. Torino, 1980, v. 3, p. 641.*

⁹ *Vat. Lat. 3922, 1r–11r.*

в 1543 г. в Венеции типографом Паоло Джирардо. Публикация эта выполнена крайне небрежно, текст трактата, по-видимому, из-за незнания наборщиком латинского языка изобилует многочисленными опечатками и ошибками. В 1559 г. он был издан в Венеции же во втором томе сборника итальянских переводов “Путешествий и мореплаваний” Дж.Б. Рамузио под заглавием “Письмо Альберта Кампенского о делах Московии блаженнейшему папе Клименту VII, великому понтифику”¹⁰.

В 1836 г. в издании “Библиотека иностранных писателей о России” был опубликован итальянский текст трактата Альберта Кампенского по изданию Рамузио, а также перевод на русский язык, выполненный В. Семеновым¹¹. К переводу приложена небольшая пояснительная статья, а за ним следуют довольно обширные комментарии. Переводчик почти всегда верно передавал мысль автора, но при этом считал возможным сокращать текст, пренебрегать его деталями, иногда сбиваясь на вольный пересказ. Поэтому полагаться на него, особенно при цитировании тех или иных отрывков, не всегда возможно. В 1996 г. вышел в свет новый перевод на русский язык сочинения о Московии Альберта Кампенского, сделанный О.Ф. Кудрявцевым и С.Г. Яковенко с итальянского текста публикации Рамузио; этот перевод снабжен подробными комментариями и предварен вступительной статьей¹². В 1997 г. в специальном сборнике ранних известий иноземцев о Московской Руси была заново издана латинская версия первой публикации трактата 1543 г. вместе с подготовленным на ее основе русским переводом, выполненным О.Ф. Кудрявцевым и С.Г. Яковенко, комментариями и предваряющей оба текста статьей¹³.

ТРАКТАТ “О МОСКОВИИ”: ИСТОЧНИКИ

Е.Ф. Шмурло, характеризуя сочинение Альберта Кампенского, писал о том, что оно “вобрало в себя все легкомысленные и невежественные представления”, державшиеся на Западе о Московии и “основанные на слухах один другого невероятнее”¹⁴. Более справедливым представляется взгляд на это произведение П. Пирлинга, видевшего в нем “ценное свидетельство” как раз потому, что оно донесло до нас слухи, распространявшиеся в столице католического мира о Российском государстве, показывало происхождение этих слухов и иллюзии, ими питаемые¹⁵. Фактическими данными собственно о Московии сочинение Альберта Кампенского, как отмечалось в историографии, очень бедно¹⁶. Сам он во владениях московского государя никогда не был и во введении к своему труду обещал поведать то, что ему сообщили наведывавшиеся туда по торговым делам его родственники¹⁷. На самом деле, однако, значительно больше он опирался не на их рассказы, а на выпущенный в 1517 г. и вскоре дважды переизданный “Трактат о двух Сарматиях” польского космографа Матвея

¹⁰ *Lettera d'Alberto Campense intorno le cose di Moscovia. Al beatissimo padre Clemente VII. Pontefice Massimo. – Ramusio G.B. Secondo volume delle navigationi et viaggi. Venetia, 1559, p. 126r–131r.*

¹¹ Библиотека иностранных писателей о России. Письмо Альберта Кампенского к папе Клименту VII о делах Московии. Вступ. ст., рус. пер., ит. текст, комм. Изд. В. Семенова, СПб., 1836, т. 1, с. 1–112.

¹² *Альберт Кампенский. О делах Московии. Публикация О.Ф. Кудрявцева и С.Г. Яковенко. Комм. О.Ф. Кудрявцева. Вступительная статья С.Г. Яковенко. – Россия и Италия. М., 1996, вып. 2, с. 180–224. Значительные выдержки из этого перевода были перепечатаны в газете “Modus vivendi” (1996, № 18/19, с. 4) и в журнале “Истина и жизнь” (1996, № 10, с. 34–41).*

¹³ *Campensis A. De Moscovia. – Россия в первой половине XVI в., с. 63–134.*

¹⁴ *Шмурло Е.Ф. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462–1528. – Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская – Нарва, 1937, вып. 3 (с. 91–136), с. 120.*

¹⁵ *Пирлинг П. Указ. соч., с. 309.*

¹⁶ *Замысловский Е.Е. Указ. соч., с. 309.*

¹⁷ *Campensis A. De Moscovia, с. 77 (с. 97).*

Меховского¹⁸, из которого заимствовал целыми кусками¹⁹. Если попробовать найти следы каких-либо данных о Московии, сообщенных автору его отцом и братьями, то таковыми в первую очередь могли быть сведения о том, чем богата эта страна и какие товары из нее вывозят. Что касается вопросов церковно-политических о будто бы заинтересованности великого князя Московского в унии с католической церковью, получении королевского титула, организации антиосманской лиги и примирении христианских государей, то происхождение информации на сей счет вроде бы вполне очевидно – свидетельства названных по имени прелатов, которые находились при дворах Вены, Кракова и Копенгагена, имевших связи с Московией. Вызывает вместе с тем удивление, отчего Альберт Кампенский в их числе не упоминает близкого своего знакомого Николая фон Шонберга²⁰, папского легата в странах Восточной Европы, который, хотя и не бывал в Московии, однако через своего брата Дмитрия, неоднократно ездившего туда с посольствами (также и по поручению Николая), лучше других представлял положение дел в нем, сам будучи активным творцом политики вытягивания московского государя в сферу влияния и интересов папства²¹.

В сравнении с другими своими современниками, писавшими о Московии – Павлом Йовием, Иоганном Фабри, – Альберт Кампенский значительно меньше использует античных авторов. Им он обязан некоторыми общими географическими представлениями, например, именованием современной Восточной Европы Сарматией, делимой по реке Дон на две части – Европейскую и Азиатскую Сарматии, отнесением Скифии к крайнему северу обитаемой земли, описанием Герцинского леса, продолжение которого он находил на территории Московии. Вместе с тем вслед за Матвеем Меховским он не упускал случая подчеркнуть ошибку античных космографов, утверждавших, что существуют Рифейские и Гиперборейские горы, которые-де дают начало великим рекам Сарматии.

ПРОСТОРЫ ЕВРАЗИИ, ИЛИ СТРАНА МОСКОВИЯ

Московиты, или моски (в трактате используются оба этнонима для обозначения славянского населения Московской Руси), представлены как “народ дальней Скифии”, как обитатели “почти что другого мира”²². Т.е. живут они где-то на краю земли, причем на севере, как можно заключить из того, что причислены они к скифам. Немногим ниже уточняется: “Страна скифов, находящаяся от нас (европейцев, более конкретно – жителей Италии. – *О.К.*) на огромном расстоянии по направлению между северо-востоком и севером, очень велика и широка: она простирается с запада на восток более чем на шестьсот больших немецких миль (или три тысячи итальянских)”. Если иметь в виду, что немецкая миля насчитывала свыше 7 км, а итальянская – никак не менее 1,5 км²³, то величина страны – а это около 4,5 тыс. км с запада на восток – должна была выглядеть в глазах европейцев, привыкших к гораздо более скромным размерам своих государств, весьма и весьма впечатляющей. Указаны также расстояния между крупнейшими центрами страны. Так, путь из Новгорода до Москвы – 100 немецких, или 500 итальянских миль, т.е. не менее 800 км; то же расстояние от

¹⁸ *Mathias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517; 2-изд. – Augusta Vindelicorum, 1518; 3-изд. Cracoviae, 1521. Далее использовано изд.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. [Подготовка латинского текста], введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М. – Л., 1936.

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства российского. СПб., 1842, кн. II, т. VII, прим. № 287. См. также: Замысловский Е.Е. Указ. соч., с. 323.

²⁰ О связях между ними см. *Jedin H.* Op. cit. S. 52.

²¹ О братьях фон Шонберг см.: Шмурло Е.Ф. Указ. соч., с. 105–109; Хорошкевич А.Л. Указ. соч., с. 205–208.

²² *Campensis A.* De Moscovia., с. 76 (с. 97).

²³ На самом деле длина и той и другой мили сильно варьировала в разных регионах этих стран. См. подробнее комментарии: Россия в первой половине XVI в., с. 118, прим 10.

Москвы до Вологды, от Вологды до Устюга, от Устюга до Вятки; от Вятки до пермяков 30 миль, надо полагать, немецких, и столько же от них до вогулов²⁴. Не менее обширна, по Альберту Кампенскому, Московия в направлении с юга на север, она раскинулась “на огромном пространстве” от литовцев и руссов, именем коих он обозначает в отличие от московитов (москов) восточнославянское население Великого Княжества Литовского и королевства Польского, до Скифского, т.е. Северного Ледовитого океана. На западе она ограничена Ливонией и Балтийским морем; на востоке простирается далеко за реку Танаис [=Дон], считающуюся границей Европы и Азии, более того – за Ра [=Волгу] “вплоть до гиперборейских скифов на краю Азии”²⁵. Таким образом, Московия находится сразу в двух частях света, является в буквальном смысле евразийской державой.

Конечно, все указанные расстояния весьма и весьма условны, как и локализация стран и народов по сторонам света, тем не менее какое-то представление о величине и местонахождении Московского государства они давали. Само это государство Альберт Кампенский обозначает как “империю”, включающую “в свой состав множество княжеств и областей”²⁶. И далее он перечисляет наиболее значительные (*insigniores*) из них. Первым с севера он называет “Псковское княж[ество]”, которое в длину более трехсот итальянских миль, в ширину – двести; его главный город государь Московии “захватил и поставил под свою власть несколько лет тому назад вместе со всеми расположенными вокруг него владениями”, что соответствует действительности, ибо Псков перешел под прямое управление Москвы в 1510 г., как и то, что оттуда действительно были выведены (частично) его обитатели и поселены на московских землях²⁷; а вот то, что в составе этих владений было более 30 весьма укрепленных замков, как утверждает Альберт Кампенский вслед за Матвеем Меховским, и что “некогда этот город был под властью Литвы и Польши”, не соответствует действительности. На востоке от него (на самом деле к юго-востоку) находится превосходящее его размерами Смоленское княжество, недавно захваченное московским государем Василием III у короля польского и великого князя литовского, что произошло в 1514 г., будто бы вместе со “знаменитым замком Вязьмой”, который на самом деле был присоединен к московским владениям еще отцом Василия Иваном III в 1492 г. К северу и северо-востоку от Смоленска расположено несообразно великое, если верить Альберту Кампенскому, Можайское княжество в 350 итальянских миль и в длину и в ширину, тоже, как сказано, отнятое у польско-литовского государя Иваном III, хотя оно никогда не входило в состав литовских владений, а к Москве было присоединено в 1454 г. Василием II Темным. К северо-западу от Можайского лежит Новгородское “княжество”, главный город которого – Новгород, или Нугардия (*Novigrad aut Nugardia*), “самый знаменитый и богатый город из всех, расположенных в северных пределах”, и, по уверению Альберта Кампенского, “величиной превосходит Рим” – со всеми его владениями “присоединил к своей империи”, отняв у Литвы, еще Иван III²⁸. Здесь следует оговорить, что с политическими реалиями русских земель Альберт Кампенский был мало знаком; поэтому и Псков, и Новгород, имевшие до присоединения к Москве аристократическую форму правления в виде своего рода боярских республик, он, не зная этого, отнес к княжествам или герцогствам (*principatus, ducatus*) – использовалась и та, и другая дефиниция. Кроме того, слишком доверяя в историко-географическом описании Восточной Европы Матвею Меховскому, автору крайне ненадежному, позиция которого в

²⁴ Если сложить все указанные отрезки, то получится 460 немецких миль, а не 600, о которых Альберт Кампенский заявлял прежде. См.: Там же, с. 119, прим. 13; *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, с. 376.

²⁵ *Campensis A. De Moscovia*, с. 77, 78 (с. 98).

²⁶ *Moscovitarum longe lateque patens imperium plurimos maximosque principatus ac Ducatus complectitur...* (*Ibid.*, с. 80 (с. 101)).

²⁷ См. комментарий: Россия в первой половине XVI в., с. 124, 125, прим. 49.

²⁸ *Campensis A. De Moscovia*, с. 80, 81 (с. 101, 102).

международных делах была совершенно чужда самому Альберту Кампенскому, он тем не менее воспроизводит явно тенденциозные и ошибочные сообщения о Руси своего предшественника.

Названными первыми четырьмя княжествами государство московитов, сказано в трактате, возросло за последние 40 лет²⁹. Далее перечисляются их собственные владения. И первым – исходное княжество Московия, расположенное “на северо-востоке” (на самом деле – на юго-востоке) от владений Новгорода; его столицей, а также “всей империи московитов (*totius Moscouitici imperii*) является огромный город Москва”; строения в нем, как и в Новгороде (и в других городах этой страны), из дерева, за исключением замка, т.е. Кремля, сооруженного в его центре и “укрепленного прочнейшими стенами и башнями”. Соседствует с Московским “на востоке” (на самом деле – на юго-востоке) Рязанское княжество, в котором находятся “знаменитые истоки реки Танаис, отделяющей здесь Европу от Азии”. Рядом с Московским “с севера и северо-востока (на самом деле с северо-запада) расположено Тверское княжество, которое “по величине своих владений” будто бы намного его превосходит, как и город Тверь, стоящий на Волге, – Москву; у Матвея Меховского нет подобных сопоставлений, и откуда Альберт Кампенский почерпнул эти сведения – непонятно. Затем как находящиеся “в московитских владениях” перечислены княжества Ярославское, Шугерское, Шаховское, Кубенское, Холмское, Зубцовское, Клинское, которые уступают указанным ранее княжествам по территории и населению; из названных в списке княжества “Шугерского”, о котором говорится и у Матвея Меховского, не было; подразумевалось скорее всего либо княжество Шехонское, лежавшее на реке Шексне, либо Сугорское в Белозерском уделе³⁰. За Волгой “к востоку находится Суздальское княж[ество], а также некоторые другие, подвластные московитам и одной с ними народности”³¹. Опять же у Матвея Меховского нет такой локализации Суздальского княжества, и можно только гадать, почему Альберт Кампенский разместил его на восточной стороне Волги – скорее всего он (или его информаторы) имел в виду Нижний Новгород, составлявший в прошлом с Суздаlem единое политическое целое (Суздальско-Нижегородское княжество), расположенный на Волге и владевший на ее восточном берегу землями.

Вслед за Матвеем Меховским Альберт Кампенский сообщает, что “власти московитов подчиняется одна татарская орда”, которая располагается “у замка Казань”, что на Волге, к северо-востоку от Москвы (на деле скорее к востоку) в 27 днях пути; в действительности же Казанское ханство и при Иване III, и при Василии III оставалось формально независимым, хотя московские государи оказывали большое влияние на положение дел в нем. Кроме татар, сказано в трактате, московскому государю подчиняются другие нерусские народы: «К северо-востоку от Москвы за Устюгом и Вяткой на расстоянии около пятисот немецких [миль] живут пермяки и вогулы, *скифские* народы, которые московский князь («Иван, предшественник ныне правящего Василия», – совершенно правильно добавлено в итальянском переводе в издании Рамузио³²) подчинил своей власти»; а за ним на побережье Северного океана располагается еще ряд подвластных Москве “скифских народов” – югры, карелы, башкиры, черемисы³³. Если перечень нерусских народностей, подданных московского государя, составлен удовлетворительно и называет по крайней мере крупнейшие из них, то вот указание на их местонахождение и удаленность вызывает недоумение и вопросы.

²⁹ Ibid., с. 81 (с. 102).

³⁰ См. подробнее: *Замысловский Е.Е.* Герберштейн..., с. 366; *Матвей Меховский.* Указ. соч., с. 113, 255, прим. 190 (комментарий С.А. Аннинского); *Россия в первой половине XVI в.*, с. 126, прим. 62.

³¹ *Campensis A. De Moscovia*, с. 81, 82 (с. 102, 103).

³² *Lettera d'Alberto Campense intorno le cose di Moscovia.* Al beatissimo padre Clemente VII. Pontefice Massimo, p. 128r.

³³ *Campensis A. De Moscovia*, с. 82 (с. 103, 104).

“НЕ МОГУ НАДИВИТЬСЯ БЕССТЫДСТВУ НАШИХ ГЕОГРАФОВ”: О ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ МОСКОВИИ

Альберт Кампенский вступил в одну из наиболее острых полемик, связанных с отвержением старых, идущих от античности, и утверждением новых географических представлений. Он решительно встал на сторону Матвея Меховского, доказывавшего отсутствие Рифейских и Гиперборейских гор, с которых, по утверждению древних и средневековых писателей, брали начало великие реки Восточной Европы и сопредельной ей Азии. Впрочем, нельзя сказать, что голос Альберта Кампенского в хоре тех, кто поддерживал Матвея Меховского, был услышан: ведь трактат его впервые вышел в свет почти через 20 лет после написания, когда полемика утратила свою прежнюю актуальность.

Вся страна москов представляет собой равнинный и лесистый ландшафт, сказано в трактате, “и орошается повсюду множеством больших рек”³⁴. Среди них выделяется особо “три знаменитых и прославленных реки”: Борисфен, он же Днепр, который берет начало в Смоленском княжестве, течет на юг до Черного моря, Двина, которая рождается недалеко от Днепра, но направляет свои воды на запад в Балтийское море, а также Танаис, или Дон, имеющий истоки в Рязанском княжестве, течение его изменчиво и достигает он в конечном итоге Меотийских болот, т.е. Азовского моря. Намного больше их Ра, или Волга, “величайшая река Азиатской Сарматии”, начало ее севернее и западнее истоков Танаиса в большом озере; изгибаясь на северо-восток, а потом на юго-восток, она проходит по огромным территориям, пока не заканчивает свое течение в Каспийском море³⁵. После такой довольно подробной экспозиции Альберт Кампенский делает выпад против античной космографии, в очень резких словах обвиняя ее в бессовестной лжи: “Все эти реки рождаются в местах равнинных, болотистых и лесистых, – суммирует он свои наблюдения, – не в тех легендарных Рифейских и Гиперборейских горах, которая произвела на свет *лживая Греция* (*tendax Graecia*), а не природа, нигде не в данных; ибо во всех владениях Московии не найти даже пригорка, разве что на берегах Северного, или Скифского, океана, где обитают югры, карелы, башкиры и черемисы. – И далее он прямо противопоставляет новое опытное знание описаниям древних. – Вот почему не могу надивиться *бесстыдству наших географов* (*impudentiam Geographorum nostrorum*), без зазрения совести рассказывающих невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах, в которых, по их уверению, берут начало выше названные реки. Мы не найдем также более ничего истинного почти во всем том, что наиболее авторитетные из них сообщали о двух Сарматиях и обо всей этой северной стороне нашего мира, если их описания сопоставить (что мы пытались сделать) с [сообщениями] о путешествиях людей нашего времени”³⁶. Правда, кого из путешественников он мог иметь в виду, неясно, ибо Герберштейн к тому времени свои записки еще не опубликовал, а похоже, и не написал; Матвей же Меховский в Восточной Европе лично не бывал.

Итак, в Московии нет гор, она равнинна. И лесиста. По утверждению Альберта Кампенского, “Герцинский лес (*Hercinia silva*) покрывает все эти (подчиненные московитам. – *О.К.*) страны”. И хотя только что Альберт Кампенский с негодованием отверг античную географическую науку как не содержащую “ничего истинного” относительно “двух Сарматий”, тем не менее сразу вслед за этим с полным доверием он прибегнул к тому, что писали Цезарь и Плиний Старший о “Герцинском лесе”, который, по их сообщениям, из Центральной Европы простирался на восток до земель даков, язигов, сарматов и других народов³⁷, что давало основание

³⁴ Ibid., с. 82 (с. 104).

³⁵ Ibid., с. 82, 83 (с. 104, 105).

³⁶ Ibid., с. 83 (с. 105).

³⁷ *Цезарь*. Записки о галльской войне. VI. 24. 2; 25.1; *Плиний Старший*. Естественная история. IV. 80 (см. соответствующие места сочинений античных писателей в русском переводе: *Античная география*. М., 1953, с. 114, 115, 247). См. также: *Россия в первой половине XVI в.*, с. 128, прим. 72.

ренессансным авторам находить его продолжение на территории Московии. Лес этот обладает огромными запасами древесины, которая гораздо более высокого сорта, чем в Европе. Он упоминает о “соснах невероятной высоты – одной такой сосны хватило бы на сооружение мачты самого большого грузового корабля”, а также о дубах, “обыкновенных и каменных”, представляющих немалую ценность, их европейские купцы “вывозят в большом количестве в числе прочих товаров”. Отмечает Альберт Кампенский “необыкновенное изобилие меда”, его собирают на пасеках у крестьян. Продукты пчеловодства и бортничества составляют значительную долю московитского экспорта, потому что почти весь потребляемый в Европе воск, по его словам, а также “твердая и жидкая смола” (под которыми разумеется, скорее всего, деготь и канифоль), “смола сосны и все драгоценные меха привозятся отсюда (из Московии. – *О.К.*) через Ливонию нашими купцами”. Отмечено особо, что по берегам рек Дона и Волги “произрастают ремень и ароматический тростник”³⁸, использовавшийся как лекарство и в других целях.

НАРОДЫ, НАСЕЛЯЮЩИЕ МОСКОВИЮ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Московитов, [или москов, Альберт Кампенский относит к дальним скифским народам (*extremum Scytarum popul[um]*). К ним он причисляет еще “пермяков и вогулов”, которых московский князь (предшественник нынешнего, т.е. Иван III) “подчинил своей власти и принудил принять крещение и исповедовать Христа”, хотя те и пытались сопротивляться³⁹, а равно и населяющих, как сказано, берега Северного океана, югров, карелов, башкиров и черемисов, которые тоже являются подданными этого князя⁴⁰.

В отнесении московитов к скифам ничего нового нет; правда, прежде скифами именовали всё население Восточной Европы, всю Русь. Альберт Кампенский Русь решительно отделяет от Московии: “Начинаясь у Сарматских [=Карпатских] гор на востоке Польши, [Русь] простирается на север и северо-восток; ее обитатели весьма ревностно следуют греческому закону и схизме константинопольских патриархов, коих почитают и слушаются. Это заставляет очень ошибаться тех, которые считают и называют московитов руссами, или рутенами, хотя московиты соблюдают те же самые, [что и руссы,] обряды и пользуются почти тем же языком”⁴¹. В другом месте он называет руссов “народом соседним и почти (рече) родственным московитам”⁴². И тем не менее, несмотря на эту общность языка и народных обычаев, не говоря уже о вероисповедном единстве (об историческом, как видно, папский писатель вообще не подозревал) Альберт Кампенский под влиянием Матвея Меховского принял установку польской историографии и космографии, навязываемую всей европейской науке, рассматривать Русь как восточнославянские земли только в составе Короны Польской и Великого Княжества Литовского. По его словам, “Русь сейчас находится под властью Польши, и столицей является город Львов”⁴³. Впрочем, он знает, что некогда столицей руссов был город Киев. Не вникая в характер отношений между Польшей и Литвой, он полагает, что “как руссы, так и литовцы и самогиты (литовское племя жмудь. – *О.К.*), подвластны Польше со времен Ягелло”. Этими руссами, а затем и литовцами и

³⁸ *Campensis A. De Moscovia*, с. 83, 84 (с. 105, 106).

³⁹ Альберт Кампенский повторяет Матвея Меховского, рассказывавшего о крещении Перми (Трактат о двух Сарматиях, II. II. 2, с. 117). Вместе с тем крещение этой области относится ко времени миссионерской деятельности Стефана Храпа, или Стефана Пермского (пермский епископ в 1383–1396 гг.). Язычники-вогулы убили не его, а Питирима (в 1456 г.), одного из его преемников.

⁴⁰ *Campensis A. De Moscovia*, с. 76, 82 (с. 97, 103, 104).

⁴¹ *Aberrant plurimum qui Moscouitas Russos aut Ruthenos appellant ac existimant quamvis iisdem ritibus uiuant, et eadem penè lingua utantur* (*Ibid.*, с. 80 (с. 100, 101)).

⁴² *Ibid.*, с. 90 (с. 112).

⁴³ *Ibid.*, с. 80 (с. 100, 101).

самогитами замыкаются московские владения с юга⁴⁴, хотя точнее было бы сказать – с юго-запада и запада.

Другими соседями москвитов являются татары (Tartari), в описании которых Альберт Кампенский следует в основном Матвеем Меховскому, воспроизводя все его неточности. Так, сказано, что “поблизости от Суздаля москвиты соседствуют с ногаями, или западными татарами, которые являются наиболее северными из всех других татар”, хотя далее всего на севере на самом деле жили казанские татары, коих Альберт Кампенский, наоборот, располагает ниже к юго-востоку на реке Ра [=Волге] и называет подданными москвитов⁴⁵. За ними на юге и юго-востоке, между Доном и Волгой и за Волгой на обширнейших равнинах Причерноморья и Прикаспия обитают другие татары, которые “сейчас разделены на пять орд, или множеств, вроде пяти империй, ...главной, которая произвела все остальные и отправила вовне как колонии, является Дзагатайская, то есть Заволжская, орда, император которой Темир-Кутлуг в наших историях назван Тамерланом”⁴⁶. Альберт Кампенский вслед за Матвеем Меховским путает Тамерлана (1336–1405), покорителя Средней Азии, Ирана, Закавказья, совершавшего походы в Китай, Индию, государства Среднего и Ближнего Востока, Османскую империю, татарские владения на Волге и Дону, и Темир Кутлуга, ставшего ханом Золотой орды (1395–1401) после того, как Тамерлан разгромил на Тереке Тохтамышя; он также смешивает Дзагатайскую (или – Джагатайскую, Чагатайскую) орду с Заволжской, или Большой (как она названа в русских источниках), ордой, которая была уничтожена крымскими татарами в начале XVI в.⁴⁷ От татар ведет свое происхождение империя турок, основанная Оттоманом; за двести лет она достигла “такой величины, что ныне наводит ужас на весь мир”⁴⁸.

МОСКОВИЯ: СТРАНА РАБОВ ИЛИ ВЕРТОГРАД БЛАГОЧЕСТИЯ?

Не только современный, но и ренессансный читатель не мог избежать двойственного впечатления от того, что он узнавал о Московии из трактата Альберта Кампенского. В самом деле, с одной стороны, ему не могла импонировать закрытость этой страны и бесправие ее жителей; с другой – он должен был быть изумлен при этом их неслыханной христианской добродетельностью и набожностью.

“Вся эта страна, несмотря на то, что обширна и сверх меры населена, – сказано в трактате, – тем не менее так заперта со всех сторон стражей, что не только никто из рабов или пленников, но даже никто из коренных или свободных жителей не может выйти из нее без грамоты государей”. Такому режиму полного государственного контроля за въездом и выездом из страны наилучшим образом способствуют природные условия, частые леса и многочисленные болота, из-за которых невозможно попасть в Московию иначе как по “настленным царским дорогам”; но они-то самым тщательным образом охраняются стражей государя⁴⁹.

Страна очень богата серебром благодаря в большей степени предприимчивости государей (*principum industria*), чем собственным рудникам, хотя они там тоже имеются. На чем основано убеждение в том, что у москвитов есть серебряные копи, которых тогда на самом деле у них не было, не вполне понятно; впрочем, еще в средние

⁴⁴ Ibid., с. 79, 80 (с. 100).

⁴⁵ Ibid., с. 78 (с. 98). Основная часть ногайских татар занимала территории от Прикаспия до Туры и Камы и от Волги до Иртыша. Подробнее см.: Россия в первой половине XVI в., с. 121, прим. 22–24. См. также: *Матвей Меховский*. Указ. соч., I. III. 2, 3, с. 170, 171 (с. 92, 93).

⁴⁶ *Campensis A. De Moscovia*, с. 78 (с. 99). О делении татар на пять орд см. *Матвей Меховский*. Указ. соч., I. I. 8, с. 144 (с. 63).

⁴⁷ См. *Матвей Меховский*. Указ. соч., I. I. 7, 8, с. 142–145 (с. 61–64).

⁴⁸ *Campensis A. De Moscovia*, с. 79 (с. 99, 100). Ср. близкий по содержанию текст: *Матвей Меховский*. Указ. соч., I. III. 1, с. 165 (с. 86).

⁴⁹ *Campensis A. De Moscovia*, с. 84 (с. 106). Ср. близкий по содержанию текст: *Матвей Меховский*. Указ. соч., II. П. 1, с. 191 (с. 115).

века ходили слухи, будто на Руси разрабатываются месторождения серебра⁵⁰; скорее всего ей Альберт Кампенский и следовал. Далее он поясняет, каким образом у москвитов накапливается серебро – оказывается, в результате выгодного для них торгового обмена, ибо они поставляют за рубеж то, что у них имеет малую цену, а в Европе стоит дорого, вот эта разница в цене и обеспечивает то, что сейчас называется положительным сальдо внешнеторгового баланса, т.е. приток благородных металлов (речь идет о серебре) в страну. Еще одна мера, по Альберту Кампенскому, задерживает эти металлы в Московии: “никому не позволено вывозить ни золотую, ни серебряную монету”. Также, по словам папского секретаря, московитский государь совсем не тратит серебряную монету по причине постоянно ведущихся им войн за расширение границ его владений; утверждение по меньшей мере спорное, ибо войны обычно разоряют казну; однако Альберт Кампенский объясняет, почему войны не истощают казну московского монарха: “Он никогда не использует иноземных или наемных солдат, но только своих подданных; ими всеми он неограниченно повелевает, как рабами, имея полную власть над их жизнью и имуществом. Никто [из москвитов] не смеет в чем-либо перечить воле государя”⁵¹. В этих словах принципиально важная характеристика всей политической системы Московского государства, ее суть в ничем не стесненной, абсолютной власти правителя, вольного распоряжаться жизнью и достоянием своих подданных, словно они его полные холопы. Заметим, правда, что немногим ранее они названы и отнесены к “коренным или свободным жителям” страны, но не стоит искать здесь противоречия, ибо надо полагать, что свободны они друг в отношении друга, но не в отношении монарха и воплощаемого его персоной государства, очень напоминающего восточную *деспотию*. Убедительное проявление этого всевластия на восточный манер Альберт Кампенский вслед за Матвеем Меховским находит в том, что государь “переселяет их по своему усмотрению из одного места в другое, то и дело выводя новые колонии или заменяя [жителей] друг другом, как ему заблагорассудится”⁵². И за примером подобной практики далеко ходить не надо: Альберт Кампенский во фрагменте о Пскове сообщает, как князь Василий вывел его жителей в Московию⁵³.

Сейчас не стоит задаваться вопросом, насколько точен у Альберта Кампенского созданный им образ политической системы в Московском государстве. Важно другое – в ней он находит (как это ни покажется странным в сочинении европейского писателя) некоторые существенные преимущества. И на это следует обратить внимание. Беспрекословное подчинение своей власти, которое добывается московитский государь от подданных, позволяет ему результативно бороться с такой пагубой, как пьянство; сходно с тем, что на сей предмет писали до него Иосафат Барбаро, Амброджо Контарини и Матвей Меховский, Альберт Кампенский замечает: “Под угрозой тяжелейших кар [государь] запретил употреблять мед, пиво и всякое другое питье, которое может опьянить; исключение делается для некоторых праздников года. В этом (хотя бы для них и было очень трудно), как и во всем остальном, они смиренно повинуются”⁵⁴.

Есть еще одно более важное обстоятельство, заставляющее близкого к папскому престолу писателя ценить безграничную власть правителя Московии. Но об этом не-

---

⁵⁰ См. *Кудрявцев О.Ф.* “Другой мир”: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом. – Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011 (с. 508–540), с. 537.

⁵¹ *Campensis A. De Moscovia*, с. 84 (с. 106).

⁵² *Ibidem*. Ср. *Матвей Меховский*. Указ. соч., II. П. 1, с. 192 (с. 116).

⁵³ *Campensis A. De Moscovia*, с. 80 (с. 101). Ср. также пояснение: Россия в первой половине XVI в., с. 125, прим. 50.

⁵⁴ *Campensis A. De Moscovia*, с. 84, 85 (с. 106). См. также: *Матвей Меховский*. Указ. соч. II. П. 1, с. 191 (с. 114); *Barbaro I. Viaggio all Tana*. 56. – *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 133 (с. 158); *Contarini A. Viaggio in Persia*. 31. – Там же, с. 204, 205 (с. 228, 229).

много ниже; а сейчас вернемся к подданным московита. “Люди [там] рослые, выносливые в тяжелых трудах и привычные к суровому климату”⁵⁵. Однако гораздо более, чем физической природой, привлекательны они своей высокой религиозностью и нравственностью, кои не может затемнить даже ранее упомянутая их склонность к хмельным напиткам. Ибо “веруют они во единого Бога, поклоняются единому Христу, и, кажется, все у них, [как и у нас,] если не считать того, что они живут вне церковного единства”, т.е. не в лоне католической церкви. “Во многом же другом, – признаётся Альберт Кампенский, – они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа”⁵⁶.

Далее описано праведное общество, своего рода заповедник христианских добродетелей, которые, если верить автору, в высшей степени присущи московитам: “У них считается великим и ужасным злодеянием обманывать и обделять друг друга, прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Противоестественные пороки им совершенно неизвестны; о клятвопреступлениях и богохульствах у них не слыхать”. Усердно они чтут Бога и исполняют все обряды: “Но они испытывают к Богу и святым такое большое почтение, что, где только находят образ Распятого, благоговейно простираются на земле. Они часто принимают причастие... Служб у них немного и совершаются они не часто; но священник, на которого возложена обязанность служить литургию, после того, как сам примет причастие, выносит всем людям, находящимся в церкви, причастие – чашу, полную, согласно их обычаю, освященного хлеба и вина, и каждый берет из нее кусочек хлеба, смоченного вином, и причащается собственными руками. В их церквях не совершается ничего бесчестного и постыдного, но все, распростершись и обративши лицо к земле или встав на колени, благоговейно молятся”. И затем как резюме описанного уже знакомой мыслью автора, впрочем, удостоверенная сходным суждением других лиц, о том, что благочестием московиты превосходят западных христиан, жаль только сохраняют приверженность своему исповеданию: “Я часто слышал от моего отца и от многих других почтенных мужей, некоторое время проживавших у московитов (похоже, тоже купцов. – *О.К.*), что они считали бы их намного праведнее нас, если бы была прекращена постыдная схизма”⁵⁷.

СПАСИТИ, НЕЛЬЗЯ ДАТЬ ПОГИБНУТЬ

После такой высокой аттестации московитов, сам собой напрашивается вывод о том, что они как никто больше достойны спасения. И действительно, почему бы им не помочь спастись, коль скоро это сделать было бы нетрудно и к тому же весьма выгодно для папского престола. Речь идет о том, чтобы заставить принять католичество “весьма многочисленный народ московитов, ... весь осужденный на погибель за отложение от церковного единства”⁵⁸. Облегчит это то, что, как не раз подчеркивает Альберт Кампенский, “они расходятся с нами (католиками. – *О.К.*) в немногих вещах”, которые к тому же “маловажны для спасения”⁵⁹. Есть еще одно обстоятельство, которое должно непременно содействовать успеху их соединения с католической церковью – та самая неограниченная, а по сути, если доверять Альберту Кампенскому, *дееспотическая власть* правителя московитов над его подданными: “Если бы указанное дело (присоединение к католической церкви. – *О.К.*) предстояло обсуждать с толпой [народа], то мы, без сомнения, встретили бы множество препятствий и затруднений. Ибо нелегко убедить людей оставить или переменить религиозные обычаи их отцов...

⁵⁵ *Campensis A. De Moscovia*, с. 84 (с. 106).

⁵⁶ *in aliis multis melius quam nos videntur uiuere ad Euangelicum Christi (Ibid., с. 85 (с. 107)).*

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *Ibid., с. 76 (с. 96).*

⁵⁹ *Nam propter pauca quibus dissentiunt à nobis ea quae non magni ad salutem momenti (Ibid., с. 85 (с. 107)). См. также: Ibid., с. 76, 92 (с. 96, 115).*

Но поскольку сейчас все зависит лишь от государя (*cum ab uno Principe pendeat res tota*), а он сам очень часто изъявлял желание этого союза, то какое оправдание будет у наших пастырей, если, ни во что не ставя спасение многих, они не только не стали бы побуждать и уговаривать этого государя, но[, напротив,] его, самостоятельно идущего к нам с бесконечным числом людей, по собственной воле просящего быть принятым в единое с нами церковное стадо, не приняли бы, и более того отвергли бы и прогнали бы по греховности и сребролюбию своему?”⁶⁰ Не стоит сейчас ставить под вопрос уверенность голландского автора в том, что власть московского государя была столь же абсолютной в отношении веры его подданных (ибо исторический опыт XVII в. заставляет сомневаться в этом); важно другое – в таком одиозном для многих ренессансных мыслителей типе политического строя, который иначе, как тирания, они бы не назвали, Альберт Кампенский тем не менее изыскивает немалые преимущества, которые должны делать этот строй терпимым и даже желательным в глазах европейских политиков и церковных деятелей, размышляющих о том, каким образом воздействовать на религиозно-политическую ситуацию в далеком от них Московском государстве.

Голландский автор, конечно, выдавал желаемое за действительное, утверждая, будто московский князь “очень часто изъявлял желание этого союза”. Впрочем, его слова отражают довольно широко распространенное в Европе в первые десятилетия XVI в. убеждение в готовности москвитов заключить церковную унию с католиками. Среди других документов на сей счет обращает на себя внимание грамота папы Льва X, отправленная Василию III в сентябре 1519 г., которая начинается словами: “После того, как достоверно мы узнали, что Ваше Величество (*Nobilitatem Tuam*), по вдохновению Божию, вознамерилось обратиться к соединению и повиновению св. Римской Церкви (*ad unionem et obedientiam s. Romanae Ecclesiae*)”⁶¹.

Альберт Кампенский в свою очередь приводит несколько примеров заявленного им стремления москвитов к воссоединению с католиками. Для подтверждения одного из них он ссылается на отца, который около полувека тому назад (т.е. между 1470 и 1475 гг.), находясь в Московии, якобы стал свидетелем того, что Иван III, предшественник Василия III, отправил послов в Рим для заключения союза; но тогдашний папа (имя не указано), “ища скорее собственную выгоду, а не то, что угодно Иисусу Христу”, потребовал от москвитов огромной ежегодной дани как знак подтверждения их покорности и немалые десятины и аннаты; возвратившись домой, послы убедили своего государя не идти на соглашение с папством, “доказывая, будто их вера лучше римской, как раз тем аргументом, что там [в Риме] домогаются не спасения душ или славы Христовой, но лишь имущества всех народов”. И хотя Альберт Кампенский не знает, повторялось ли что-то вроде этого позднее, но “враги вопят”, что “нечто подобное приключилось немного лет назад”⁶². Станным образом москвиты, которым, по мнению голландского богослова, пока еще отказано в спасении, оказываются гораздо благочестивее тех, кто может и должен, следуя христианской морали, помочь им спастись.

Другие доказательства готовности войти в унию с католиками являл уже Василий III. Так, он будто бы просил короля Дании Иоанна получить от папы Юлия II (1503–1513) разрешение в лице своих послов участвовать в работе Латеранского со-

⁶⁰ *Ibid.*, с. 85, 86 (с. 107, 108).

⁶¹ Григорович И. Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке. СПб., 1834, № 1, с. 3. О слухах, которые то и дело возникали в разных частях Европы по поводу мнимого перехода русского государя в католичество, см. подробнее: *Winter E. Russland und das Papstum*, Bd. I. Berlin, 1960, S. 185, 186; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч., с. 198, 199, 207, 208.

⁶² *Campensis A. De Moscovia*, с. 86 (с. 108). Упомянутые в тексте аннаты – доходы первого года в пользу папской казны с лиц, получивших от папы пребенду (т.е. церковную должность). Незванным у Альберта Кампенского папой мог быть Павел II (1464–1471) или Сикст IV (1471–1484).

бора (1512–1517), что подтвердил нидрозиенский епископ Эней, канцлер указанного короля⁶³. Кроме того, во время понтификата Льва X (1513–1521) Василий III проявил великую настойчивость, добываясь от императора Максимилиана (1493–1519) королевского титула, по каковой причине “тогда же он мог бы присоединиться к римской церкви”, если бы этому не помешали козни поляков, – утверждает Альберт Кампенский, ссылаясь на свидетельство Иеронима Бальба, епископа гурьского и посла эрцгерцога Австрийского Фердинанда⁶⁴. Наконец, по мнению голландского богослова, “Василий ясно показал, сколь он расположен к нам и сколь он желал бы соединиться с нами”, заключив с королем Польши, своим давним недругом, пятилетнее перемирие, направив к нему великолепное посольство и побуждая его склонить других христианских государей к миру между ними, дабы выступить заодно против “общего врага имени Христова”, о чем сообщал письменно папе Адриану VI Фома Нигер, епископ скардонский, апостолический нунций в Польше⁶⁵.

Конечно, на самом деле московитский государь совсем не рвался каким-либо образом участвовать в Латеранском соборе, о котором, не исключено, совсем ничего не знал, и уж тем более не добивался для себя от императора королевского титула, ибо небезуспешно претендовал на гораздо более высокий статус⁶⁶. Альберт Кампенский воспроизводил слухи, которые циркулировали в римской курии и питали там далеко простиравшиеся надежды, впрочем, безосновательные, на обращение в католичество к огромной выгоде для нее и московитского государя, и его подданных. Речь идет о подчинении папскому церковному руководству мирным путем населения огромнейшей страны – приобретении гораздо более значимом и предпочтительном, чем любое другое: “И если мы рассудим правильно, – обращается Альберт Кампенский к папе Клименту VII, – мы найдем в этом случае (перехода московитов в католичество. – *О.К.*) выгоду более несомненную и славу более истинную и более христианскую, чем в том случае, когда бы мы оружием победили всех турок, всю Азию и, наконец, всю Африку. Ведь такая победа была бы обретена великой ценой большой крови многих христиан, добыта, как водится, несчастьями и бедствиями... Благодаря же этому союзу с московитами многие сотни тысяч душ возвратились бы в стадо Христово без [применения] оружия и [пролития] крови, с малыми затратами и усилиями”⁶⁷. Выгода выгодой, но есть еще один мотив соединения московитов с Римской церковью, на который Альберт Кампенский указывает папе – спасение их душ: “Что же касается дела московитов..., то если рассмотреть его само по себе, я не понимаю, почему спасение столь многих тысяч душ не должно быть предметом великой заботы Твоего Святейшества; ибо, если они погибнут по *нерадению Твоего Святейшества*, то не смогут Господом как надлежит из твоих рук быть востребованы”⁶⁸. В этих словах нельзя не увидеть определенное давление на папу и даже скрытую угрозу ему нести ответственность перед Богом в случае, если он, пренебрегая своим прямым долгом, не предотвратит гибель столь большого числа людей принятием их в свое стадо.

---

⁶³ Ibid., с. 86 (с. 108, 109). Упомянутый в тексте Иоанн, или Ганс, был королем Дании, Швеции и Норвегии, правил с 1481 по 1513 гг. Эней, он же – Эрих Вальхендорф (ум. 1522), архиепископ с 1513 г. норвежского города Тронхейма (латинское название – *Nidrosia*). О том, что великий князь Московский высказывал желание послать своих людей для участия в Латеранском соборе, сообщили Юлию II, по словам папского церемониймейстера Де Грасси, датские послы (см. *Krug. Bericht des akademikers Krug über die Bibliotheka иностранных писателей о России*, с. 196, 197). См. подробнее: Россия в первой половине XVI в., с. 130–132, прим. 89, 90.

⁶⁴ *Campensis A. De Moscovia*, с. 86, 87 (с. 109).

⁶⁵ Ibid., с. 87 (с. 109, 110). См. также: Россия в первой половине XVI в., с. 133, прим. 97–99.

⁶⁶ См. подробнее материалы: Россия в первой половине XVI в., с. 132, 133, прим. 94.

⁶⁷ *Campensis A. De Moscovia*, с. 77 (с. 97).

⁶⁸ Ibid., с. 91 (с. 113).

“ВОИСТИНУ ХРИСТИАНСКИЙ ГОСУДАРЬ”: ЖИВОЙ УКОР МОНАРХАМ ЕВРОПЫ

Альберт Кампенский осуждает не только некоторых пап из предшественников нынешнего Климента VII за их бездействие в деле обращения москвитов, чреватое для этого народа, по его убеждению, непоправимыми последствиями⁶⁹. Не менее резко он отзываясь о светских правителях европейских государств, выставляя им на вид для их же посрамления как пример истинно христианского благочестия политику “государя-схизматика” – Василия III. Во-первых, этот государь будто бы сам стремится к церковному единству с католиками. А во-вторых, в отличие от его собратьев в Европе, он единственный, кто выступает за примирение между ними и за солидарность христианского мира перед лицом новых, представлявших для него смертельную угрозу опасностей. Заключив пятилетнее перемирие со “своим давним недругом” королем Польши (1522), по сведениям Альберта Кампенского, впрочем, ничем более не подтверждаемым, Василий III “просил его, соседнего и знакомого ему государя, склонить остальных христианских государей к тому, чтобы они, по примеру его самого, уладив между собой частные распри и обиды, подумали бы, наконец, о спасении христианского мира и, соединив души [свой] и оружие, выступили походом против общего врага имени Христова; и предлагал нам себя вместе со всеми своими подданными в качестве соратника в такой войне”⁷⁰.

И что же эти государи? А они, вместо того, чтобы прекратить войны, “ожесточенно сражаются друг с другом, движимые личной ненавистью и страстями, безудержным желанием господствовать, не обращая никакого внимания на кровь христианскую, как воду ими проливаемую, на несчастья подданных, предаваемых полному разорению, и не испытывая никакого страха Божьего, как будто бы нет никакого Бога, перед которым они должны будут держать ответ”. И даже увещания папы Адриана VI, требовавшего прекратить брани между правителями Европы (речь шла об Итальянских войнах 1494–1559 гг., с новой силой разгоревшихся к середине 20-х годов XVI в.), ни к чему не привели. На этом фоне Василий III, – таким, каким изображает его Альберт Кампенский, – являет собой образ идеального христианского правителя, призванный служить горьким укором и назиданием европейским монархам, ставя под сомнение и обесценивая высокие звания, некогда присвоенные им за заслуги перед верой – назиданием тем более болезненным для них, что исходило оно от государя иной, чем они, конфессии, с их точки зрения, даже не вполне христианина: “Хотя мы считали его (Василия III. – *О.К.*) схизматиком и почти язычником и много раз выступали против него с оружием, – признаётся Альберт Кампенский, – тем не менее в деле спасения нашего и христианской Церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи, которые похваляются титулами христианских, католических и защитников веры”⁷¹. Надо пояснить, что титул христианнейших имели короли Франции, католических – короли Испании, титул защитника веры получил от папы король английский Генрих VIII. Так что инвектива была направлена против крупнейших европейских монархов, обвиняемых в ведении взаимоистребительных войн в то время, когда надо готовить защиту христианского мира от общей опасности, чего, если верить папскому куриалу, и добивается правитель Московии.

---

⁶⁹ “Не могу надивиться, – пишет Альберт Кампенский во введении к своему трактату, обращаясь к папе Клименту VII, – о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ москвитов, расходящийся с нами в немногом и весь осужденный на погибель за отложение от церковного единства, вместо того, чтобы всеми силами возвращать его к церковному единству, в особенности имея возможность... сделать это с незначительными трудами” (Ibid., с. 76 (с. 96)).

⁷⁰ Ibid., с. 87 (с. 109).

⁷¹ Ibid., с. 87 (с. 110).

СПАСТИ И СПАСТИСЬ: НАДЕЖДЫ НА ПОМОЩЬ С ВОСТОКА

Альберт Кампенский называл две угрозы, создававшие тяжелые испытания всему христианскому миру (*reipublicae Christianae*): распространение реформационного движения, начатого Лютером и поставившего под вопрос весь строй католической церкви, и экспансию османов в Европе, покорявших все новые и новые христианские земли и представлявших непосредственную опасность и для светских европейских государей (прежде всего Габсбургов), и для папства. Ее главным образом в виду Альберт Кампенский, указывая на Василия III как спасительного в сложившихся условиях союзника для католической Европы. “Государи наши христианнейшие, католические и защитники веры так заняты тем, чтобы уничтожить друг друга и проливать христианскую кровь, – с горьким сарказмом говорится в трактате, – что их совсем не тревожит взятие Родоса [1522], которому они легко могли бы помочь, их совсем не тревожит захват Белграда [1521], их совсем не тревожит то, что турок уже навис над нашими головами. А [этот] схизматик так радеет о нашем спасении, что отправил того, который должен пробудить нас⁷²... и убедить иной раз вспоминать о собственном спасении, и, наконец, позаботиться о наших делах, которые явно приходят в упадок. Более того, сей государь, которого мы вправе были опасаться как смертельного врага, предлагает в нашу защиту себя и весь народ свой”⁷³. А немногим ниже добавлено по поводу посольства Василия III к императору Карлу V (1519–1556)⁷⁴, что, по имеющимся у автора донесениям, русский государь побуждал правителя Священной Римской Империи “выступать походом против турок, предлагая для этой цели много денег и солдат”⁷⁵.

В этой готовности выступить совместно с католическими государями Европы против османов Альберт Кампенский снова усматривает осязаемую надежду на то, чтобы “склонить этого князя москов Василия, а с ним и весь народ москов, к вселенскому единству с нами (*ad catholicam nobiscum unionem*)”⁷⁶. Т.е. обратить их в католичество и тем самым, по его убеждению открыть им путь к спасению души. А московиты, облагодетельствованные таким образом католиками, в свою очередь всеми своими силами помогут им спастись от осман, защитят от угрозы и вполне зримой перспективы порабощения исламом. Альберт Кампенский замыслил своего рода взаимный обмен спасительными акциями как со стороны католического Запада, уберегающего московитов от пути, гибельного для души, так и со стороны Московии, берущей под защиту этот Запад от внешней угрозы, а заодно и от внутрицерковного мятежа, поднятого лютеранами: ибо “какая победа над лютеранами может быть более славной и более легкой, – рассуждает Альберт Кампенский, – чем в том случае, когда они увидят, что этот апостольский престол, который они стараются бесчестить по всему миру, все еще сохраняет достоинство не только среди своих приверженцев, но также у новых народов, которые [не какими-то частями, а] целиком приходят почти что из другой [части] света, прося принять их под свое покровительство?”⁷⁷ Выгода, казалось бы, обоюдная,

⁷² Скорее всего намек на миссию Василия III к папе 1525 г. Дмитрия Герасимова. См. Россия в первой половине XVI в., с. 133, прим. 105. Об этой миссии см. также трактат Павла Йовия в цитированном издании.

⁷³ *Campensis A. De Moscovia*, с. 89 (с. 110, 111).

⁷⁴ Похоже, речь идет о посольстве князя Ивана Ивановича Засекина Ярославского и дьяка Семена Борисовича Трофимова, достигших Испании весной 1525 г. (см. выше). См. Россия в первой половине XVI в., с. 134, прим. 107. См. также сведения об этом посольстве в трактате Фабри в цитированной книге.

⁷⁵ *Campensis A. De Moscovia*, с. 89 (с. 111).

⁷⁶ *Ibidem*.

⁷⁷ “De Lutheranis denique, quae nobis gloriosior? Quae facilior? poterit esse uictoria? Quam si uideant apostolicam hanc sedem quam per orbem uniuersam infamare conantur suam adhuc dignitatem non solum apud suos retinere, sed etiam nouos uniuersosque populos ex alio penè orbe ad eius obedientiam supplices uenire” (*Ibid.*, с. 91 (с. 113)).

но несомненная и наибольшая прежде всего для папства, которое может рассчитывать на приобретение новой, подвластной ему по крайней мере в делах религии весьма многочисленной паствы и надежной защиты от агрессии иноверцев и внутрицерковных потрясений. Это и хотел донести до Св. Престола Альберт Кампенский в своем трактате.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКОВИТОВ. ПЛАН ИХ НАСТУПЛЕНИЯ

Чтобы продемонстрировать военную мощь потенциального союзника, за которого он ратовал, Альберт Кампенский сделал своего рода роспись, весьма впечатляющую, хотя и маловероятную, количественного состава ополчения, конного и пешего, которое должны были выставить княжества, находящиеся под властью Москвы. Как и во многих других случаях, конкретные сведения он заимствовал у Матвея Меховского⁷⁸.

В собственно московитских владениях государь набирает в войско столько людей, сколько ему угодно (*quantumcumque uult delectum fecit*), и, кроме того, имеется много рыцарей, без какого-либо набора обязанных нести постоянную воинскую службу, “всегда послушных воле государя, кои, по обычаю этого народа, знатного происхождения (и зовутся у них *боярами*) (здесь и далее выделено нами. – *О.К.*)”⁷⁹. Итак, если верить Альберту Кампенскому, государь Московии может собрать преогромное войско при том, что у него всегда наготове немалое число рыцарской конницы (*equites*) из людей благородного звания; указано их наименование по-русски – бояре; кто сообщил это слово Альберту Кампенскому, непонятно, у Матвея Меховского его нет. Приведены и конкретные сведения. Само “княжество Московия” способно выставить “тридцать тысяч бояр, то есть знатных людей, – пояснено в трактате, – выступающих на войну конными”; кроме того, в нем государь без труда “собирает шестьдесят или семьдесят тысяч вооруженных и весьма крепких пехотинцев”. Военные силы Рязанского княжества скромнее – 15 тысяч “бояр” и вдвое или втрое больше пехотинцев. Тверское, которое превосходит Московское величиной, наоборот, – располагает 40 тысячами боярской конницы и, соответственно, вдвое или втрое большим количеством воинов “из простонародья” (*ex plebe*). Определенное число конницы из знати и пехоты из остального населения дают не столь крупные княжества – Ярославское, Шугерское, Шаховское, Кубенское, Холмское, Зубцовское, Клинское, а также Суздальское, впрочем, разоренное “набегами ногайских и иных татар”. Московитам, как сказано, будто бы, подчиняется одна “татарская орда, которая живет в степях у замка Казань”, располагающая 30 тысячами всадников⁸⁰. Какие-то контингенты еще должны поставлять четыре “княжества”, которые Альберт Кампенский относит к недавно приобретенным – Псков, Смоленск, Можайск, Новгород, – но, что за силы они имеют, он не уточняет, равно как не говорит о том, чем обязаны на войне помогать своему государю “скифские народы” Севера.

Однако даже несмотря на эти “умолчания”, получается, что правитель Московии располагает армией, насчитывающей многие сотни тысяч воинов, конных и пеших. Цифра, конечно, многократно преувеличенная⁸¹, но оспорить ее никто не мог, и она воспринималась как достоверная, завораживая и в то же время пугая европейцев. Не случайно Альберт Кампенский в трактате с необыкновенным уважением то и дело упоминал о военном могуществе государя Московии как о важнейшем аргументе для доказательства выгоды союза с ним и, наоборот, предупреждал о том, что вражда с

⁷⁸ См. *Матвей Меховский*. Указ. соч. II. II. 1, с. 189, 190 (с. 112, 113).

⁷⁹ *Equites semper parati ad imperium principis qui nobiles sunt secundum morem gentis (et Boiari ab ipsis uocantur)*. – *Campensis A. De Moscovia*, с. 81 (с. 102).

⁸⁰ *Ibid.*, с. 81, 82 (с. 102, 103).

⁸¹ См. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991, с. 65, 66.

ним имела бы самые плачевные для католической Европы последствия: “Кто не понимает, сколь важно... было бы присоединение к нам государя столь богатого, столь могущественного и по причине близости [владений] столь подходящего, чтобы напасть на турок? В особенности приняв во внимание, сколь верными могут быть наша гибель и поражение всех наших дел, если бы он в самый подходящий момент вздумал использовать свои силы против нас”⁸². Таким образом, в союзе с москвитами Альберт Кампенский видит абсолютную и спасительную для западной цивилизации необходимость.

Он даже предложил своего рода план участия москвитов в антиосманской борьбе. Не следует слушать тех, предупреждает он, кто считает, что “поддержка Руси (Rosci) в походе против турок не нужна и бесполезна, поскольку она находится слишком далеко от турок, но что только деньги, которых там в изобилии, могут оказать нам помощь”⁸³. Стоит обратить внимание на то, что московские владения Альберт Кампенский именовал Русью, хотя прежде это географическое название он закрепил за восточнославянскими землями под властью Короны Польской; т.е. в его время предложенное польской публицистикой разделение на Русь и Московию не стало еще твердо принятым в европейской общественной мысли и, как прежде, словом “Русь” могли обозначать целиком или частично территории, входившие в старину в состав Киевской державы.

Излагая свой план кампании, Альберт Кампенский утверждал, что Московская Русь расположена географически очень выгодно для нанесения удара по османам с суши. По его убеждению, Смоленское княжество, ставшее московским владением, “напрямик через руссов, – народ соседний и как бы родственный [москвитам]..., – нависает над Валахией, Болгарией, далее Фракией и в силу этого над самим Константинополем; его расположение весьма удобно для следования войск. Если их вывести побольше, одно это заставит туркам предостаточно хлопот”. По расчетам папского “стратега”, государство турок является слабым и уязвимым для нападения именно со стороны Валахии и Болгарии, христианское население которых давно уже готово отложиться от поработителей и присоединиться к воинам, защищающим их свободу; а отсюда, из этих провинций, открыт свободный проход вплоть до Константинополя. Те же части турецких владений как на суше, так и на море, которые обращены к Европе, укреплены намного лучше. Посему “князь москов”, в отличие от европейских монархов, имеет гораздо более удобную возможность, чтобы атаковать владения османов, поход на которых не покажется ему слишком далеким, раз он провел свои войска в крайние области Востока и покорил многие народы Скифии⁸⁴.

Альберт Кампенский нарисовал очень заманчивую для европейцев картину возможного участия Московской Руси в военных действиях против Османской империи, нацеленных на захват ее северобалканских территорий и создание угрозы для Константинополя. Однако, как видно, он плохо представлял себе подлинные размеры пространств Восточной Европы и совсем не учитывал как реакцию на подобный поход Польши и Литвы, а равно и османского вассала Крымского ханства, чьи территории войска москвитов должны были бы задеть, так и планы и интересы самого Московского государства, имевшего собственные внешнеполитические цели и приоритеты.

---

⁸² *Campensis A. De Moscovia*, с. 91 (с. 113). Подробнее о возникавших в Европе планах втянуть Московскую Русь в антиосманскую борьбу см.: Казакова Н.А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. – Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле. Л., 1972, с. 255, 256; Хорошкевич А.Л. Указ. соч., с. 204–221; Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. – Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы, с. 8–10.

⁸³ *Campensis A. De Moscovia*, с. 90 (с. 112).

⁸⁴ *Ibidem*.

КАКОЕ ПОСОЛЬСТВО НАПРАВИТЬ В МОСКОВИЮ И КТО МОЖЕТ ПРОТИВИТЬСЯ СБЛИЖЕНИЮ С НЕЙ

Дело, казалось бы, оставалось за малым – снарядить в Московию посольство и заключить с ней выгодный Запад в многих отношениях союз – и церковный, и военный. Но не всё так просто.

Прежде всего кого назначить в посольство? Альберт Кампенский предлагает папе “направить туда [в Московию] человека, годного [для подобного дела]”⁸⁵. Впрочем, вскоре выясняется, что речь должна идти не об одном, а о нескольких “умелых и подходящих [для этого] лицах”. И это должны быть “не какие-нибудь сановитые старцы с почетным сопровождением, но, скорее, люди, способные перенести столь великие и многочисленные тяготы и огромное расстояние пути и, кроме того, выдержать суровость климата той страны”. Т.е. к папским дипломатам предъявляются определенные требования, прежде всего физической выносливости, которая позволила бы им справиться с тяготами путешествия. Но не только это. “Они должны быть сведущи также в законе Божьем”, уметь вести беседы на веручительные темы и снисходительствовать «“бесквасным”, “немоощным в вере” людям, а не [утеснять их] “спорами о мнениях”, дабы тех, которые сейчас мало стоят от пути спасения (т.е. москвитов. – *О.К.*), мы своей бесцеремонностью не отдалили бы от нас еще больше». Речь идет об искусстве быть гибким, пойти на компромисс, уступив в малом, чтобы приобрести основное. Но и это не всё. Посланные люди должны преследовать общую пользу, а не собственную, и – это очень важно – не отвергать нравы тех, к кому они едут, чтобы не вызвать в них нерасположение к себе: “Нужно, конечно, выбрать таких людей, которые не искали бы собственную [выгоду], но во всяком деле радели бы о славе Иисуса Христа, а также не слишком гнушались бы обычаям этого народа, дабы суметь как можно легче приноровиться к ним”⁸⁶.

Посольство должно иметь деловой характер, ехать к московитскому государю с определенными предложениями, ибо “если посольство чего-либо случайно будет недоставать для пышности, каковую требует достоинство Святого Престола, *великолепие* [этого] государя и важность [самого] дела, то извинением всему будут дальность, трудность и опасность путешествия”⁸⁷. Заслуживает внимания упоминание такой очень популярной в эпоху Возрождения добродетели, как *великолепие*, считавшейся более всего подобающей государю (*magnificentia principis*)⁸⁸. Что касается дальности пути, то голландский писатель определял его временем – и в целом правильно – более, чем в четыре месяца. Касаясь его опасности, он советовал “избегать [пути через] Польшу, [а значит] надо проехать из конца в конец Германию, пресечь Пруссию и Ливонию, то и дело поджидая попутчиков и путешествуя в их сопровождении из-за опасности грабителей и разбойников, которые в этих странах часто нападают”⁸⁹.

Понятно, почему надо остерегаться грабителей и разбойников и путешествовать в большой компании, а вот что заставляет огибать Польшу? Ведь путь вокруг Польши (и, добавим, Литвы) длиннее. Оказывается, “от короля Польши, государя благо разумного и весьма набожного, – оговаривается Альберт Кампенский, – тем не менее в деле, касающемся москвитов, нельзя ожидать ничего хорошего”. И, следовательно, нельзя ему доверять и никоим образом ставить его в известность о направляемом в Московию посольстве. Ибо “пусть во всем остальном король Польши является наихристианнейшим государем”, – опять делает ту же оговорку Альберт Кампенский, – он всеми сила-

⁸⁵ Ibid., с. 91 (с. 114).

⁸⁶ Ibid., с. 92 (с. 115).

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ У Павла Йовия упоминание пышных с большим размахом организованных пиршеств и празднеств является прямым доказательством *великолепия*, присущего московитскому государю (*Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni principis Moscoviae ad Clementem VII.* – Россия в первой половине XVI в., с. 288, 289).

⁸⁹ *Campensis A. De Moscovia*, с. 91 (с. 114).

ми будет противиться заключению церковного союза с Василием III, московитским государем, поскольку боится, что это “добавит Василию еще больше силы, а его самого лишит великих преимуществ в войне против Василия за границы своего королевства”. О каких “преимуществах” идет речь? Дело в том, что “под предлогом ведения войны против схизматиков и словно врагов нашей религии, [король пользовался] огромнейшим расположением других христианских государей... и большой помощью с нашей стороны, так как, обнаружив ради этого повсюду *индальгенции*, мы ему часто оказывали поддержку *ссудами из общей казны христианской*”⁹⁰.

Альберт Кампенский сделал важные признания. Польская корона в борьбе с московитами эксплуатировала веру, упирая на их иноконфессиональность, для получения не только моральной, но и ошутимой материальной поддержки от государств Запада и папства, используя даже индальгенции, выпускавшиеся также и для поощрения борьбы с “нехристиами”, к категории которых относили и православных Восточной Европы. Не случайно Альберт Кампенский замечал, что схизматики трактовались как “враги нашей религии”, т.е. христианства. Такое отношение к ним выработалось и закрепилось на Западе, прежде всего папством и в пограничных с Русью католических странах, еще в XIII–XIV вв. и стало одним из прочнейших стереотипов европейского восприятия русских/московитов. Резко диссонировала с этой оценкой их характеристика как людей, “мало отстоящих от пути спасения”, исполненных “воистину христианским расположением к нам”, т.е. к западным христианам, которым они, по словам Альберта Кампенского, готовы оказать всяческую помощь, защитить и отстоять⁹¹.

Но именно этого-то и не желает король Польши, ему “неудобно, чтобы [князь] москов стал или считался бы нами подлинно христианским государем”. Ибо этот король лишится всей помощи Запада, лишь только с московитов будет снято обвинение в схизме, а они – и без того весьма сильные – станут гораздо могущественнее благодаря союзу с католиками⁹².

Альберт Кампенский подводит читателя к мысли, что частный интерес польского короля входит в непримиримое противоречие с выгодами всего западно-католического мира, диктующими настоятельную необходимость сближения с Москвией. Поэтому, желая расстроить это сближение, он будет всеми силами, по убеждению писателя, препятствовать контактам Москвы с Римом, отчего все дело надо держать в секрете и избегать огласки.

Возвращаясь к проекту папской дипломатической миссии в Москву, он предостерегал от того, чтобы посылать “гота”, ливонца или поляка из-за давней неприязни московитов к этим народам как следствия постоянных войн с ними; состав ее должен быть невелик – четыре или пять человек, ехать им следует через Ливонию – так будет легче, дешевле и быстрее; желательно, чтобы путешествовали они вместе с купцами, в этом случае “они проедут неузнанными и не возбуждая никаких подозрений”. “Если молва об этом посольстве распространится, то наши противники (*aduersarii nostri*), – убежден Альберт Кампенский, – приложат все силы, чтобы предупредить нас и помешать нам”. Кто такие эти противники, от которых нужно все скрывать и ждать пакостей, ясно – поляки.

В момент резкого обострения борьбы между цивилизациями, когда Восток в лице османов завоевывал всё новые владения в Средиземноморье и продвинулся почти в центр Европы, западнокатолический мир, не только теряющий территории и народы в результате внешней агрессии, но и ослабленный изнутри Реформацией, проводившейся Лютером и его последователями, а также непрерывными войнами между европейскими монархами, в Московской Руси, похоже, увидел ту силу, которая поможет ему справиться с новыми, угрожавшими ему гибелью испытаниями, и нравственный

⁹⁰ Ibid., с. 92 (с. 114), 93 (с. 116).

⁹¹ Ibid., с. 92, 93 (с. 115, 117).

⁹² Ibid., с. 93 (с. 116).

ориентир, способный восстановить авторитет христианских ценностей и заповедей. Речь, однако, не шла о признании в каком-то виде культурно-исторической самобытности московитских устоев жизни, хотя определенное приятие обычаев этого народа оговаривалось, равно как и об уважении его профессионального статуса.

Да, московиты неоднократно упоминались как выходцы “почти что из другой [части] света”, но уже не враждебные европейцам, а в отношении веры даже родственные им, так что их благочестие могло преподноситься в качестве примерного, достойного подражания. Поэтому не оставалось никаких серьезных препятствий к союзу с ними, идею которого настойчиво проводил Альберт Кампенский (а также некоторые другие его современники), доказывая выгодность и спасительность его для обеих сторон. При этом даже самым благожелательным образом настроенный к московитам Альберт Кампенский не мог им предложить ничего другого, кроме как ввязаться в ненужную им войну с османами, жертвуя своими жизнями и ресурсами – и ради кого? Ради пренебрегших, признаётся сам автор, главными христианскими заповедями, погрязших в раздорах и смутах их европейских соседей; да еще и пожертвовать верой, т.е. чтобы обрести надежду на спасение души, отвергнуть православие, которое восточное славянство веками берегло и сохраняло как раз в качестве верного залога этого спасения. В итоге весь грандиозный проект соединения в общем деле двух частей Европы подразумевал у Альберта Кампенского в действительности поглощение западной цивилизацией русского мира, который должен был ее оживить и оборонить, отказавшись от основ собственной самобытной жизни и веры.